

Николай Шидловский

(Нью-Йорк)

**ОБ ИСТОЧНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОГО СТИХИРАРЯ
В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ
ВИЗАНТИЙСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ XI—XV ВВ.**

В начале 70-х гг. вышла в свет фундаментальная статья Милоша Велимировича. В ней был приведен исчерпывающий обзор основных исследований о древнеславянском музыкальном наследии. Действительно, годы после Второй мировой войны показали новый рост интереса к кроковым памятникам древних славян, области до того времени забытой, развитие которой почти заглохло в послереволюционный период. Новые открытия этого и последующего времени показали, что А. Преображенский (1870–1929) избрал верный путь дальнейшего развития исследований. Главная мысль выдающегося русского ученого легла в основу современных поисков и состоит в том, что наука требует расширенных горизонтов¹. Средневековая практика славян — лишь одна из ветвей великого древа древнехристианской культуры, и корни ее покоятся в материале, дошедшем до нас из Византии. Положительный в общем и оптимистический итог работы Велимировича указывает, тем не менее, на новые мало исследованные области. В конце своего труда автор прилагает список пятидесяти музыкальных рукописей и, по его мнению, дальнейшее развитие исследований зависит от разработки данных, охватывающих, ни много ни мало, почти пять веков. Именно на этом вопросе я собираюсь остановиться, связав его с некоторыми наблюдениями о Стихираре.

По известным причинам Стихирарь является основным документальным источником. Будучи широко используем как церковно-певческое пособие в Византии, он также становится выдающимся памятником древних славян. Если собрать все составные части Стихираря: *минейный* цикл (т. н. *proprium sanctorum*), начинающийся 1 сентября и заканчивающийся 31 августа; подвижную *пасхалию* Триоди и Пентекостария (т. н. *proprium de tempore*), которая, в свою очередь, вводит Октоих, — то можно увидеть, что Стихирарь сохраняется не менее чем в двух дюжинах ранних славянских экземпляров. Это примерно в два раза больше, чем количество уцелевших рукописей Ир-

мология, другой книги, содержащей основные песнопения вечерних и утренних служб Восточной Церкви². Большинство из этих документов находится в хорошем состоянии. Тем не менее, рассмотрение их приводит к выводу, что, при общем фундаментальном сходстве с византийскими первоисточниками, в русских списках наблюдается разнообразие размеров рукописей и рукописных стилей. Опытный глаз, привыкший к спокойному, скорее мягкому и округленному греческому курсиву, встречает здесь некоторые особенности письма — некоторую угловатость, связанную, в частности, с каллиграфией старославянского шрифта.

При изучении Стихираря поражает не только сравнительное количество сохранившихся рукописей, но и период времени, к которому принадлежат дошедшие до нас документы. Период начинается с 1150-х гг. (два списка в известных рукописях № 589 Синодального собр. в ГИМ и № 384 собр. Софийской библ. в РНБ) — и продолжается до 1422 г. Предлагаю последнюю дату после недавнего просмотра № 45 собр. Погодина в РНБ, замечательной рукописи, на которую мне впервые указали уважаемые коллеги М.А.Момина и Н.С.Серегина. Это, по-видимому, самый поздний датированный памятник Стихираря с крюками до реформ XVI–XVII вв. Насколько мне известно, помимо краткого описания в каталоге Творогова и Загребина, он нигде пока полностью не опубликован. Велимирович в свое время не мог его включить в свое приложение³.

Наша оценка древнеславянского Стихираря дается на фоне параллельной практики у греков⁴. Главный критерий — сама нотация. Об этом уже было много написано. Сегодня я хотел бы обратиться к другому аспекту, необходимому для создания более полной картины. Д.Стефанович частично уже осветил его в своей диссертации в конце 60-х гг. и в последующих работах. Тем не менее, я хотел бы предложить свои собственные наблюдения, которые, возможно, только в будущем будут включены в основное русло исследований предмета. В любом случае, исчерпывающего обзора по этой теме пока еще не сделано⁵. Мой доклад основывается на тщательном исследовании первоисточников в архивах Москвы и Санкт-Петербурга.

Архаичность древнеславянского Стихираря, отмеченная учеными, обнаруживается не только на основании нотного письма. Она также имеет отношение к внутренней структуре книги. В начале мы замечаем это, потому что ни одна из рукописей не собрана полностью в один том — Минея остается

отдельной от Триоди и Пентекостария. Это напоминает нам едва сохранившуюся разновидность древнейших греческих памятников, таких, как, например, знаменитая рукопись Великой Афонской Лавры (Laura γ. 74), относящаяся к концу X столетия, и другие⁶. Помимо того, содержание рукописей очень сходно с составом византийских сборников, предшествующих появлению так называемого “стандартного сокращенного Стихиаря” (*Standard Abridged Sticherarion*) начиная с середины XI в.⁷. Я уже упомянул о том, что в древнерусском письме имеется, по сравнению с греческим, некоторое отсутствие регулярности визуальных форм. Во всяком случае, за редким исключением, нам не удастся проследить таких признаков прочной палеографической традиции, как в некоторых греческих памятниках. Связано ли это со сравнительно малым количеством сохранившихся древнеславянских рукописей? Трудно сказать определенно, но мы не можем обойти следы этого же явления и в других областях, однозначно приходя к выводу, что наша мысль вполне подтверждается документально-исторически. Например, аналогичные выводы возникают при внимательном анализе самого набора песнопений. Наблюдения показывают, что каждый список, насколько можно судить, является экземпляром полностью *sui generis* и, в целом, признаки стабилизирующегося сборника вроде того, который становится самой основой греческой практики средневизантийского периода, отсутствуют. Изложенный факт наглядно проиллюстрирован в приложенной таблице, суммирующей содержание июльской Минеи⁸. Мы видим, что как и в случае архаичной нотописки славян (т. н. “archaic Coislin”), то есть в наборе невм, который бытует в течение всего этого периода, положение остается без основных изменений от ранних до самых поздних источников. По нашим сведениям, источники XV в. так же не указывают на приближение славян к “стандартному” византийскому репертуару, как и домонгольские сборники XII в. (пример 1). Подобная картина наблюдается в любом месяце года. (Я оставляю пока в стороне не менее важный и более сложный вопрос о так называемых “апокрифических” текстах; вопрос, который, безусловно, потребует более серьезного внимания в будущем.) Помимо всего прочего, каждый список древнеславянского Стихиаря отличается особым запасом “дополнительных” гимнов, которые к тому времени практически исчезают из употребления у греков.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод: византийский Стихиарь предлагает нам две точки отсчета. Первая — наличие фиксированного репертуара в *Standard Abridged*

Sticherarion и вторая — появление источников с новой нотацией, определяющей высоту музыкального звука, так называемой “круглой” нотацией (Round Notation). Последнее, как известно, приписывается концу XII в. Историческая практика славян, по-видимому, обошла стороной оба указанных явления, предпочитая сохранять знакомое, нежели осваивать новое от собратьев византийцев. Несколько лет назад, по случаю юбилея 1000-летия крещения Руси, известный западный ученый Кеннет Леви в очередной раз поднял спорный вопрос о вероятном существовании рукописных музыкальных книг с крюками на протяжении всей истории Киевской Руси, начиная со времени великого князя Владимира, а может быть и ранее, в период первоначальной проповеди христианства среди юго-западных славян в IX в.⁹ Мои наблюдения согласуются с общей картиной обсуждения этого весьма интересного предположения, требующего однако дополнительных доказательств.

В заключение я хотел бы сделать еще одно замечание. Когда при изучении нашего предмета мы стремимся освоить широкий пласт информации, мы волей-неволей сталкиваемся с загадкой, которой, как я предполагаю, будет уделено немало внимания в будущем. Речь идет об особенностях древнеславянской документации, которая сохранила некоторые следы, менее известные нам в византийских источниках. Выдающийся исследователь Оливер Странк неоднократно писал о проникновении в покрытое мраком прошлое. В последнем параграфе своего капитального труда “*Specimina Notationum Antiquiorum*” он говорит об определенном преимуществе исторических данных, дошедших из древнеславянской практики, ибо эти данные во многом способствуют раскрытию ушедшей традиции, возможно переданной славянам до времени первоисточников. Среди прочего автор отмечает, что если бы не открытие “карбонских” Миней XI в., сохранившихся в монастырской библиотеке Гроттаферрата, наши сведения о самых ранних этапах византийской нотации исходили бы в основном из древнеславянских рукописей. Именно тут мы нашли бы данные, необходимые для дальнейшего расширения наших познаний. Но он тут же предупреждает, что без “карбонских” Миней, то есть в случае отсутствия греческого оригинала, наша информация была бы лишь косвенной. В лучшем случае мы имели бы некое отражение, причем отражение, способное передать только неопределенную и измененную, если не сказать, подобно автору, искаженную картину (“*indistinct*”,

“distorted”)¹⁰. Следовательно, в нашей работе мы сталкиваемся как с основной задачей определить элементы соприкосновения, подтверждающие несомненную историческую связь византийского пения с древнерусским, так и с необходимостью дать оценку различиям, которые к тому времени уже возникали между двумя традициями.

Что открывается нашему взору, когда приоткрывается завеса, именуемая XII в.? О чем говорят нам древнейшие славянские первоисточники? С одной стороны, даже на основании данных, приведенных мною сегодня, мы видим, что ранняя традиция славян сохраняет черты глубокой древности, черты, которые в связи с более поздними византийскими течениями, постепенно теряются в греческих памятниках. С другой стороны, существуют данные другого рода, утверждающие наличие смеси архаики с новым творчеством. Странк уже указал на это в своих исследованиях о нотации¹¹. Стоит ли напоминать, что именно в этих рукописях мы находим всем известные песнопения русским святым?¹² В данный момент в ответ на поставленные выше вопросы хочу лишь сказать, что мои дальнейшие поиски несомненно будут исходить из главного убеждения в том, что *традиционализм*, присущий древнеславянским источникам в течение пяти первых столетий существования Руси, никак не должен оцениваться как признак прикованности к прошлому. В нем скорее всего надо видеть процесс разбега большой птицы перед могучим взлетом. Надеюсь, что и в будущем мне представится возможность продолжить дискуссию на эту тему.

Примечания

¹ Velimirovic M. The Present Status of Research in Slavic Chant // Acta Musicologica, 44. — 1972. — P. 235–265.

² Ibid. — P. 261–264. См. также: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. — М., 1984. Следует заметить, что у Велимировича в списке рукописей РГАДА числятся только два известных ему в то время Ирмология, а остальных “типографских” памятников нет, включая Стихирари №№ 145, 147, 148 и 152 и др.

³ Творогов О.В., Загребин В.М. Рукописные книги собрания М.П.Погодина. — Л., 1988. — С. 47–48. Рукопись также числится в обширном списке источников у Н.С.Сергиной в ее книге: Песнопения русским святым. — СПб., 1994. — С. 437–449.

⁴ О сравнительном обилии греческих источников см.: Strunk O. Die Gesänge der bysantinisch-griechischen Liturgie // Geschichte der katholischen Kirchenmusik / Ed. K.G.Fellerer. — Kassel, 1972. — S. 128–147; статья переиз-

дана под заглавием "Chants of the Byzantine-Greek Liturgy" // Strunk O. *Essays on Music in the Byzantine World* / Ed. K.Levy. — N. Y., 1977. — P. 297-330. Можно предполагать, что примерно 650 греческих Стихирарей, списанных к концу XV в., дошли до нашего времени.

⁵ Stefanovic D. *The Tradition of the Sticherarion Manuscripts. Diss... D. Ph.* — Oxford, 1967; idem. *The Development of the Slavonic Menaia Manuscripts* // *Musica antiqua*, IV, Acta scientifica. — Bydgoszcz, 1975. — P. 211-220. Напоминаю, что единственный опубликованный ранний славянский Стихирарь состоит из неполной Триоды и Пентекостария в рукописи Афона, Хиландарской библиот., № 307. См.: *Fragmenta Chilandarica Palaeoslavica* // *MMB. Vol. 5a* / Ed. R.Jakobson. — Copenhagen, 1957.

⁶ Особенности рукописи определены в статье: Strunk O. *The Notation of the Chartres Fragment* // *Annales musicologiques*, 3. — 1955. — P. 7-37, — затем перепечатаной в *Essays...* — P. 68-111.

⁷ О дискуссии по этому вопросу см. индекс к *Essays...* — P. 98.

⁸ В моей таблице содержание рукописей дается только в тех случаях, где существует греческий текст в соответственном месте по нормальному перечню *Standard Abridged Sticherarion (SAS)*. Таким образом, "дополнительные", или "апокрифические", стихиры, а также празднования, не имеющие фиксированных дат, такие как дни св. Космы и Дамиана (1 июля и 1 ноября) и св. Евфимия (11 июля и 16 сентября), даже если они числятся в *SAS* на других местах календаря, все исключены. По той же причине к 24 июля я оставляю только стихиры св. Христины, без службы св. Борису и Глебу, а к 15 июля отсутствуют гимны св. Владимиру.

⁹ Levy K. *The Slavic Reception of Byzantine Chant* // *Christianity and the Arts* / Eds. W.C.Brumfield and M.Velimirovic. — Cambridge, 1991. — P. 46-51.

¹⁰ Strunk O. *Specimina Notationum Antiquiorum* // *MMB. Pars Suppletoria.* — Vol. 7. — P. 27.

¹¹ Idem. *Zwei chilandari Chorbücher* // *Anfänge der slavischen Musik.* — Bratislava, 1966. — P. 65-76; статья переиздана под заглавием *Two Chilandari Books* // *Essays ...* — P. 220-230.

¹² Серегина Н.С. Указ. соч.; ее же. Рукописная книга "Стихирарь месячный" как памятник музыкальной культуры древней Руси. Дис... док. иск. — СПб., 1995.

Пример 1

ИЮЛЬ

A B C D E F G H J K L M N

2 Положеніє Чтныя ризы престыя Бцы

635 x x x x x x x x x x пропуски в MS E; часть июля отсутствует в MSS F и H

8. Ст҃агъ великомѹченника Прокѹпіа

636 x- x MS L с перерывами на 2 и 8 июля
 637 x- x
 638 x
 639 x- x
 640 x x x x x x- x x x
 641 x x x x x x x x x x
 642 x
 643 x x
 644 ?
 645 x x x x x x x x x x x
 646 x x x x x x x x x x x
 647 x x x x x x x x x

15 Ст҃ыхъ мѹченикъ Кирука и Уалитты

648
 649 x x x x x- x x x x x x
 650 x x x x x x x x x x x
 651 x x
 652 x x
 653 x x x x x x x x x x x x
 654 x x x x x x x x x x x x

17 Ст҃ыя великомѹченицы Маріны

655 x x x x x x- x x x x x x
 656 x x x x x x x x
 657 x x x x x x x x x x x x

20 Ст҃агъ пророка Ілїн

658 x x- x
 659 x x- x
 660 x x x x x x- x x x x x x
 661 x x x x x x- x x x x
 662 x x x x x x x x x x x x
 663
 664 x x
 665 x x (x) x x x x x x
 666 x x x x x x x x x x
 667 x x x x x x x x x x x x
 668 x x x x x x x x x x x x

A B C D E F G H J K L M N

22 СТЫА РАВНОАПЛЬНЫА МАРІА МАГДАЛІНЫ

669	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x
670	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x

24 СТЫА МЪЧЕНИЦЫ ХРІСТІНЫ

671			x					x-		x-				x
672			x					x-						x
673			x	x		x		x						x
674														
675														
676			x									:-		x
677	x	x	x	x	x	x	x-	x	x	x	x			x MS F кончается 24 июля
678	x	x	x	x			x	x	x	x	x			x

25 ОУСПІНІС СТЫА ЯННЫ: Н СТЫА ВЪПРАЗІН

679	x	x	x	x	x		x	x	x	x	x	x	x	x
680			x	x	x		x	:-			x	x	x	x
681	x	x	x	x	x		x	x	x		x			x

27 СТЫАШ ВРАНКОМЪЧЕНКА Н ЦЪЛІТЕЛА ПАНТЕЛЕЙМОНА

682		x	x	x	x		x-	x	x	x	x			x в MS E № 682 вписан другой рукой
683		x	x					x	x	x	x			x со стороны
684		x	x	x				x	x	x	x			x
685		x												x-
686		x												x-
687		x	x	x				x	x	x	x			x
688		x	x					x	x	x	x			x
689	x	x	x	x	x		x	x	x	x	x			x в MS N перерыв до 2 августа
690	x	x	x	x	x		x	x	x	x	x			

Заметки и ключ к источникам. В левой колонке номера стихир в Стандартном сокращенном Стихираре (Standart Abridged Stichegarion) из миланской рукописи Ambros. gr. 139 по перечню издателей Й. Растеда, Б. Шартау и К. Троельсгарда (MMB, vol. XI). Буквы над колонками обозначают следующие рукописи:

A — ГИМ ф. 80370 № 589	G — РГБ ф. 256 № 420
B — ГИМ ф. 80370 № 572	H — РГАДА ф. 381 № 145
C — ГИМ ф. 80370 № 279	J — БАН № 34.7.6
D — РГБ ф. 113 № 3	K — РНБ ф. 728 № 384
E — РГБ ф. 304 № 439	L — РНБ Q.n.I.15
F — РГБ ф. 218 № 740	M — РНБ O.I.418
	N — РНБ ф. 583 № 45

Дефис (-) обозначает, что текст включен без нотописи. Содержание рукописи С дается на основании описания Горского и Невоструева (Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. — М., 1869–1917) и Стефановича (Stefanovic D. The Tradition of the Sticherarion Manuscripts. Diss... D. Ph. — Oxford, 1967).

Summary

The earliest Slavonic Sticheraria preserve some archaic features borrowed from their Byzantine prototype. But at the close examination there are certain aspects (paleographic irregularity, structural and textual individuality of each manuscript) that show the later creative process independent from the Byzantine sources. Traditionalism characteristic of early Slavonic Sticheraria shouldn't be regarded only a sign of their attachment to the past.